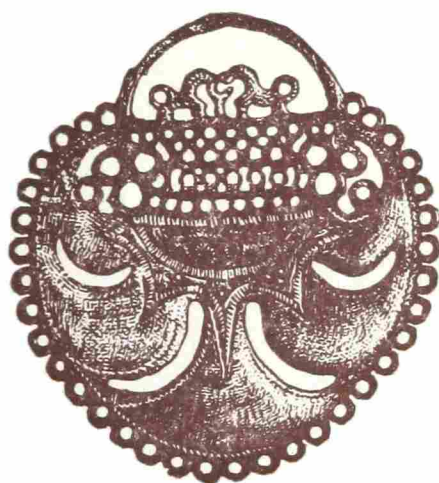

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1981

НЕМЦЕВА Н. Б.

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО МАВЗОЛЕЯ КАЗЫ-ЗАДЕ РУМИ В АНСАМБЛЕ ШАХИ-ЗИНДА

Двухкамерная усыпальница «нижней группы», расположенная на внешнем южном склоне городища Афрасиаб,— наиболее эффектный и величественный памятник известного ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде. Благодаря своему выгодному положению и голубым стройным куполам, видимым издали, этот строгий и величественный мавзолей доминирует в общем силуэте ансамбля; он как бы «открывает» памятник, хотя ниже его по склону у подошвы городища расположена еще целая группа разновременных строений, в том числе зимняя мечеть и входная дарвазая с порталом (1434/1435 г.) (рис. 1).

Двухкамерный мавзолей, известный под названием Казы-заде Руми,— самое крупное мемориальное сооружение Шахи-Зинды. Это двухчастное, продольно-осевое здание с обширной крестовидного плана зиарат-ханой (поминальная комната), дополнительными, видимо, служебными помещениями по углам и небольшой гур-ханой с севера (рис. 2). Оба помещения венчают двойные купола (внутренний и внешний) на высоких круглых барабанах. В зиарат-хане переходный от квадрата к куполу ярус основан на архаичном, известном по более ранним памятникам (мавзолей X в.— Араб-Ата в Тиме, Аламбердара) арочном парусе двухъярусной трехлопастной конструкции. В синхронных строениях такой парус не известен (рис. 3).

В гур-хане под ганчевыми сталактитами, декорирующими переходные конструкции,— безраспорный балочный парус, аналогичный ряду сооружений рубежа XIV—XV вв. (мавзолей Туман-ака Биби-ханым в Самарканде, комплекс Ходжа Ахмада Яссеви в Туркестане). Сталактиты не только покрывают переходные конструкции, драпируя верх четверика, но образуют изумительный по красоте купол, создавая общее как бы кружевное покрытие помещения, низ его сплошной голубой лентой опоясывает панель из глазурованных плиток.

Интерьер зиарат-ханы, как и внешние фасады памятника, убран строго; низ помещения опоясывает керамическая панель в «пашку» с голубыми вставками по краю, верх оштукатуренных ганчем стен когда-то покрывала синяя роспись по белому фону. Росписи почти не сохранились в зиарат-хане, но хорошо видны в гур-хане. Мелкий геометризованный рисунок звездами, овалами, ромбами с кружевным полем стилизованно-растительного орнамента заполняет сталактиты, оставляя много белого фона, так, что пластика рельефных сталактитов не забивается цветом, а лишь подчеркивается вкраплениями синего рисунка. Характер и стиль росписи при всем своеобразии, как и общий облик интерьера, очень близок ряду самаркандских и шахрисябзских памятников времени Улугбека (галерея 1424 г. в мавзолее Гур-Эмир, коридоры-входы в медресе Улугбека 1419—1420 гг. в Самарканде, Гумбези-Сейидан в Шахрисябзе) [1, с. 185—200].

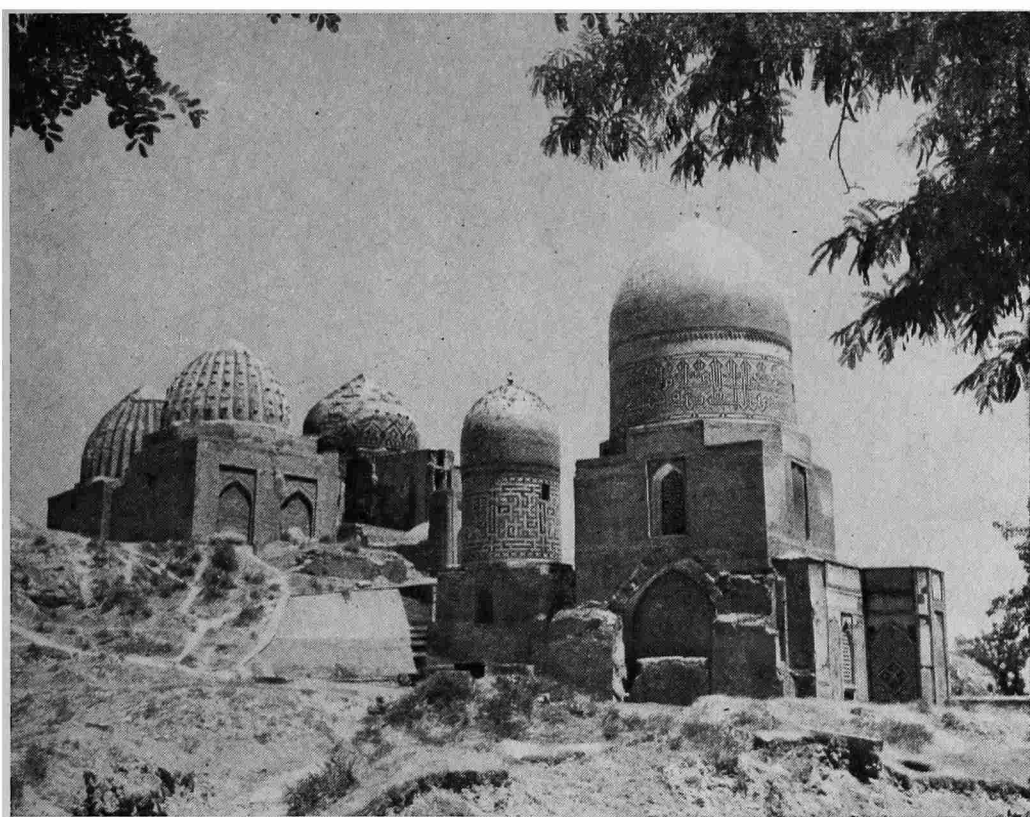

Рис. 1. Двухкамерная гробница «нижней группы» ансамбля Шахи-Зинда (вид с запада)

Снаружи декоративно обработаны были только барабаны и купола, а также несохранившийся южный портал, где в арке уцелел фрагмент пояса из кашинной мозаики с арабскими письменами. В остатках надписей южного портала ни дат, ни собственных имен нет. Считалось, что мавзолеей вообще не содержит исторических текстов. Абу-Тахир Ходжа — первый чтец и переводчик надписей ансамбля Шахи-Зинда (30-е годы XIX в.) [2], а вслед за ними С. А. Лапин [3] в конце XIX в., специально читавший даты и имена на мавзолеех, обходит молчанием двухкупольную гробницу, видимо не усмотрев на ней исторических надписей.

Но мавзолеей не считался «безымянным». Предания, зафиксированные А. Куном в XIX в., сообщают, что мавзолеей этот принадлежит кормилице Тимура — Олджа Инага и ее дочери Биби-Синеб [4]. То же предание передают и путешественники XIX—XX вв. В. В. Крестовский, Ф. Зарре, Ю. Смолик, Э. Кон-Винер и др. Вплоть до 40-х годов нашего столетия мавзолеей считался женским и упоминался чаще всего под названием мавзолеей «матери и дочери».

В 1941 г. М. Е. Массон высказал предположение, что это мемориальное здание возведено Улугбеком над останками крупного ученого своего времени, математика и астронома — Казы-заде Руми, скончавшегося, как сообщают источники, в период строительства обсерватории, в 30-е годы XV в. [5, с. 20]. Основанием для этого явились сведения Малихо (автор XVII в.) о строительстве Улугбеком в ансамбле Шахи-Зинда мавзолеей своему учителю Казы-заде Руми [6, с. 218]. Архитектурно-декоративные приемы мавзолеей не противоречили датировке первой третью XV в., и с этих пор усыпальница вошла в литературу под названием мавзолеей Казы-заде Руми, иногда с оговоркой — «предполагаемый» [7, с. 10].

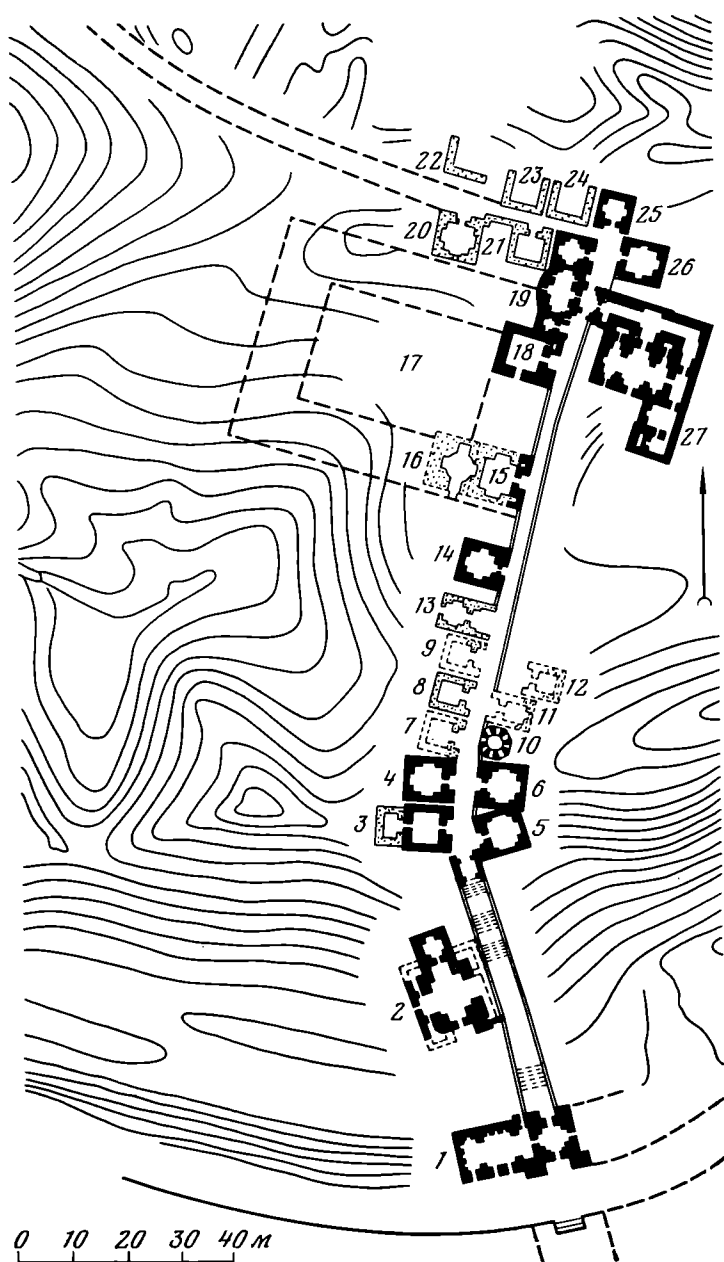

Рис. 2. План-схема ансамбля Шахи-Зинда в XV в.: 1 — входная группа ансамбля 1434/1435 г. — портал, дарваза-хапа, зимняя мечеть; 2 — двухкамерная усыпальница «нижней группы»; 3–6 — мавзолеи последней четверти XIV в.; 7–9, 11–13 — мавзолеи XIII–XIV вв., вскрытые в 60-е годы; 10 — «Восьмигранник»; 14 — мавзолей «Безымянный 1» (Усто Алим Несефи) — 80-е годы XIV в.; 15 — мавзолей «Безымянный 2» — 90-е годы XIV в.; 16 — склеп первой половины XV в. (вскрыт в 60-е годы); 17 — дворово-айванное сооружение (предполагаемое медресе Тамгач Богра-хана — 1066 г.); 18 — мавзолей Эмира Бурундука — 90-е годы XIV в.; 19 — мечеть и мавзолей Туман-ака — 1405 г.; 20–24 — мавзолеи «западного коридора» — начала XV в.; 25 — мавзолей Ходжа Ахмада — 40-е годы XIV в.; 26 — мавзолей 1361 г.; 27 — комплекс Кусам ибн Аббаса — XI–XIX вв.

Позже, уже в 50-е годы, высказывалась мысль, что мавзолеем Казызаде Руми может быть и «Восьмигранник» в средней группе ансамбля (Засыпкин, Виноградов). Но эта версия не была принята и окончательно снята нашими исследованиями склепа «Восьмигранника», где оказались только женские погребения¹. В конце 40-х — начале 50-х годов мавзолеев

¹ Исследования автора и антрополога В. Я. Зезенковой в 1965 г.

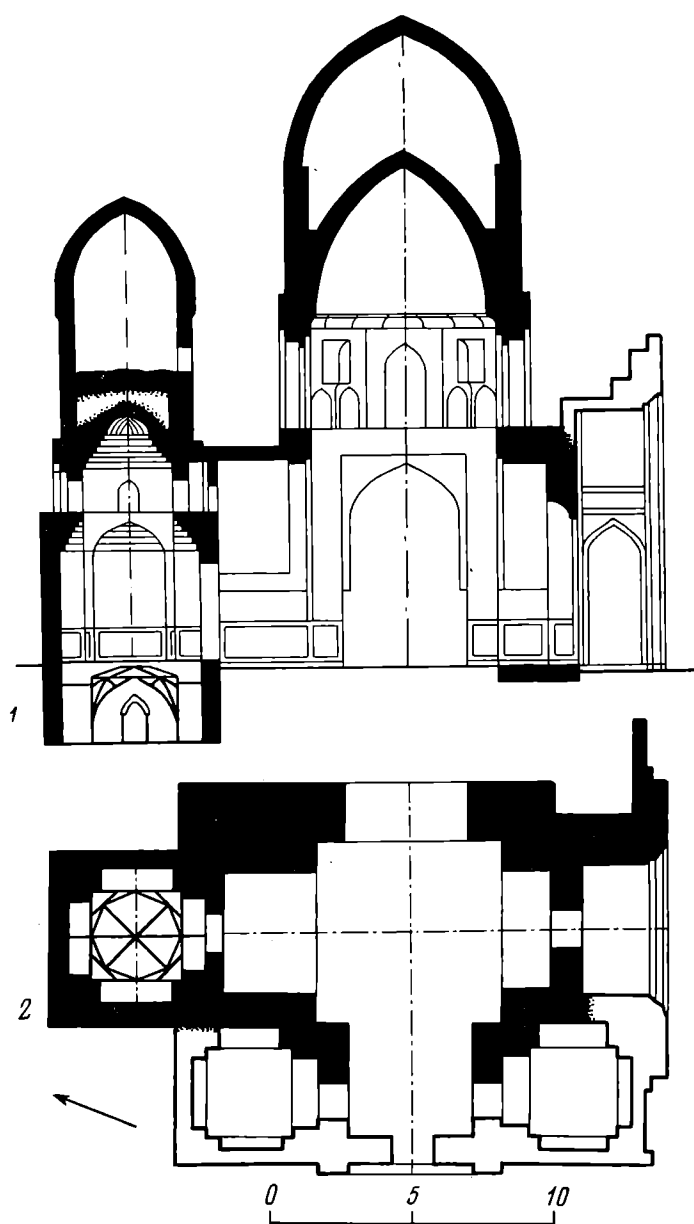

Рис. 3. Двухкамерный мавзолей «нижней группы»: 1 — разрез; 2 — план

обследовался комплексной группой археологов и архитекторов (Н. Н. Забелина, В. Д. Жуков, В. А. Левина-Булатова, К. А. Шахурин, Б. Н. Засыпкин, А. Н. Виноградов и др.). Внешние стены были освобождены от земли, внутри и снаружи заложены шурфы, зондажи, проведены обмеры. В результате была получена возможность реконструировать общую схему плана мавзолея (зиарат-ханы, главным образом), вошедшего затем во все публикации, выполнен проект консервации, осуществленный практически в 50-е годы.

Б. Н. Засыпкиным высказывалась мысль, что гур-хана и зиарат-хана разновременны. По его мнению, на месте гур-ханы в начале XV в. был мазар «святого», который при Улугбеке был якобы обведен сверху новыми стенами с одновременной пристройкой к нему обширной порталной зиарат-ханы [8, с. 68; 6, с. 227]. Предположение это также не подтвердилось. Вскрытием фундаментов гур-ханы и зиарат-ханы в начале 50-х годов на стыках обнаружена конструктивная связь кладок, что ис-

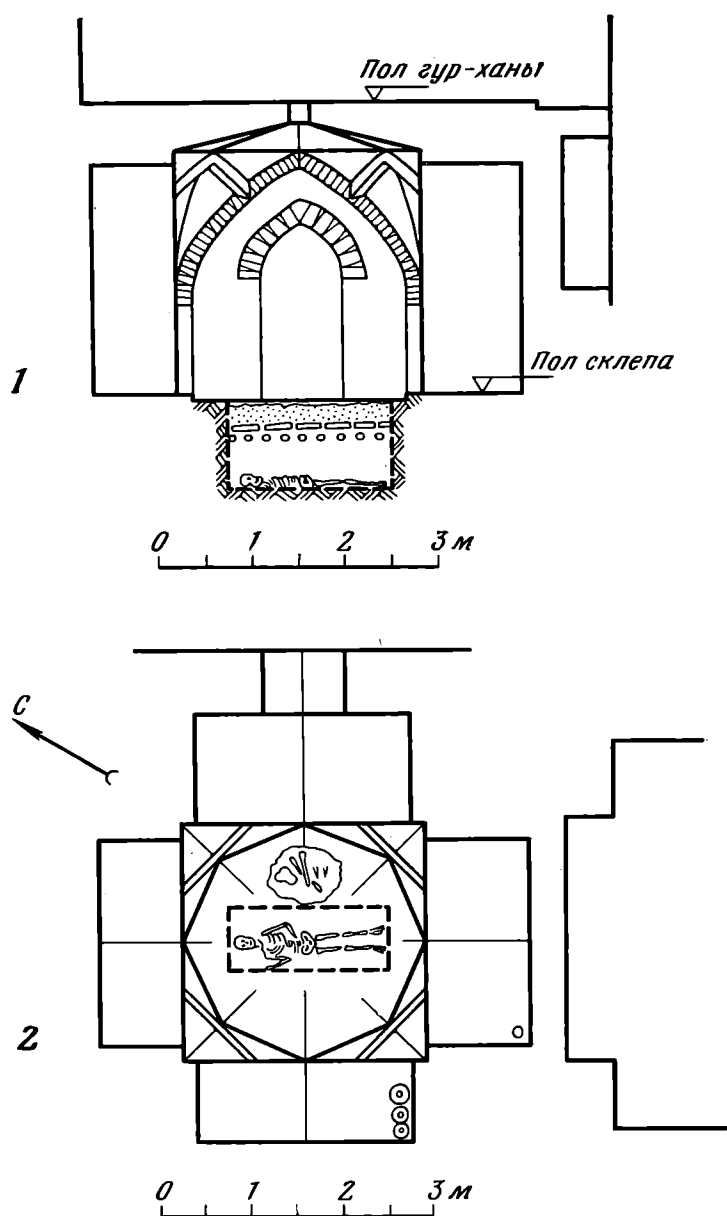

Рис. 4. Склеп гур-ханы: 1 — разрез склепа по линии север — юг, 2 — план склепа

ключает разновременность их возведения. Таким образом, многое проявилось в этом загадочном мавзолее, но по-прежнему оставался нерешенным вопрос о принадлежности усыпальницы.

В 1970 г. вышла публикация В. А. Шишкина с новым чтением надписей Шахи-Зинда; здесь впервые дан перевод надписей двухкупольного мавзолея «нижней группы», мозаичный фрагмент южной порталной арки которого, как оказалось, содержит сведения исторического порядка. Им предложено следующее чтение этой надписи: «...прибежище шариата и веры и предшественник (б. м. «наставник») султана...» [9, с. 13]. Перевод надписи не исключал, таким образом, предполагаемой принадлежности мавзолея улугбековскому астроному Казы-заде Руми.

В 1977 г. архитектором П. Ш. Захидовым предложена поправка к чтению надписи, существенно изменяющая ее смысл: «...прибежище шариата и веры, почившая мать султана» [10]. В надписи, по мнению П. Ш. Захидова, упомянута знатная женщина — «мать султана»,

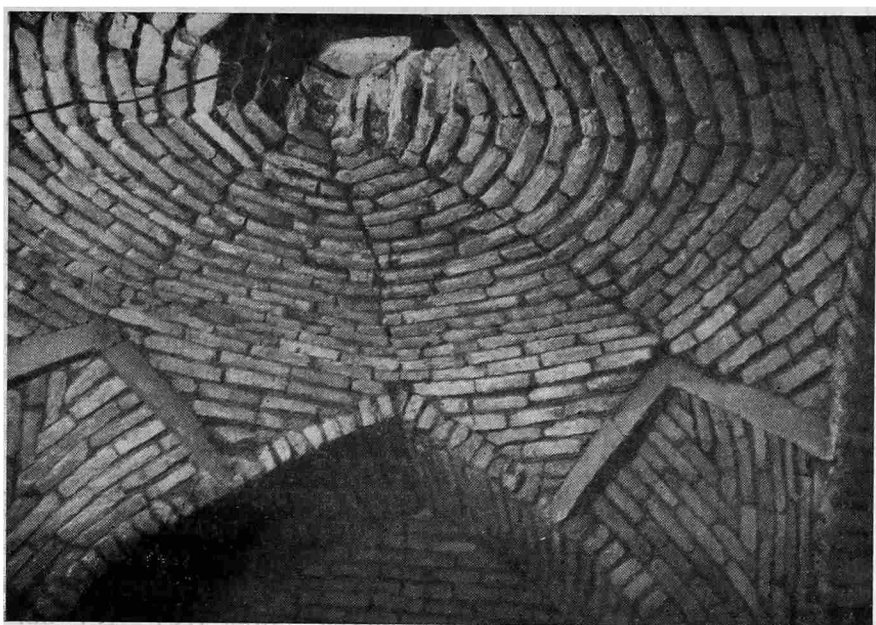

Рис. 5. Вальмовый купол склепа

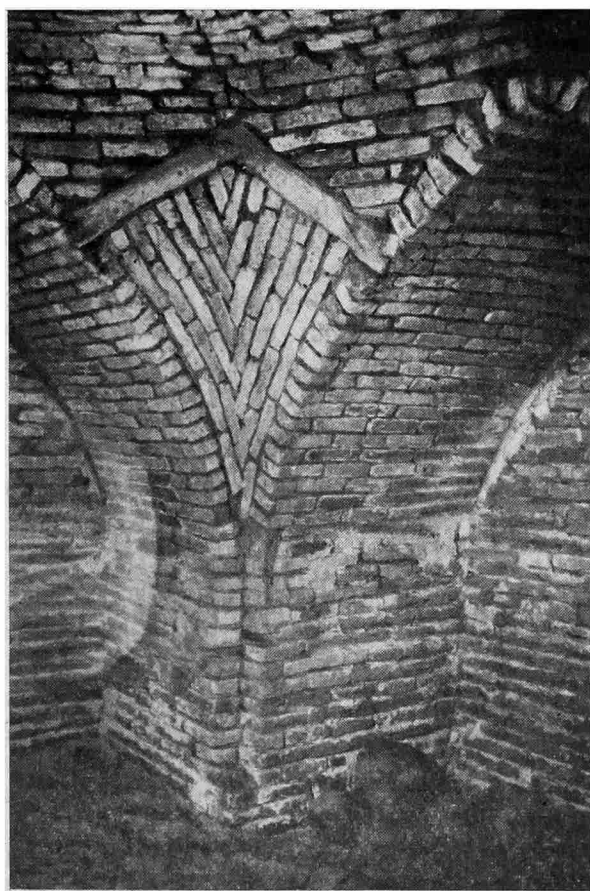

Рис. 6. Юго-западный угол склепа (щитовидный парус)

принадлежность же мавзолея Казы-заде Руми поставлена под сомнение.

Для окончательного решения этого вопроса в ноябре 1977 г. было проведено вскрытие склепа гур-ханы комплексной группой специалистов из Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР в составе архитектора П. Ш. Захидова и археолога Н. Б. Немцевой, а также антрополога Т. Ходжайова из Института археологии АН УзССР. Вскрытие показало, что под полом гур-ханы расположен склеп крестовидной формы с четырьмя нишами по сторонам (рис. 4). Входной лаз (проем) склепа в виде стрельчатой арки (высота 1,1 м, ширина 0,8 м) находится в восточной нише и выходил, видимо, с помощью обычного для склепов Самарканда XIV—XV вв. коридорообразного дромоса, предполагаемого и здесь, на дневную поверхность со стороны большой лестницы ансамбля Шахи-Зинда², расположенной по внешнему склону Афрасиаба и соединяющей «нижнюю» и «среднюю» группы памятников.

Общие размеры склепа по осям с нишами 4,62×4,72 м. Ниши (глубина 94—107 см, ширина 2,35—2,48 м) были перекрыты стрельчатыми арками высокого подъема, центральная часть склепа — вальмовым куполом из восьми секций (рис. 5). По углам центрального квадрата — склепа — переходные к куполу щитовидные паруса, верхний угол которых подчеркнут ганчевыми тягами (рис. 6). Общая высота склепа 3 м. Это четвертый склеп из обследованных в ансамбле Шахи-Зинда, входящих в группу крестовидных склепов Мавераннахра конца XIV—XV вв. (склеп Гур-Эмира и южный, раскопанный за мавзолеем Гур-Эмир [11, с. 114—122], склеп мавзолея Биби-ханым, шахрисябзские склепы Тимура и Джанхангира в комплексе Дорус-Сиадат).

В ансамбле Шахи-Зинда самый ранний и довольно крупный крестовидного плана склеп с крестовыми куполами имеется в мавзолее Эмира Бурундука (90-е годы XIV в.) [12, с. 45, рис. 1]. Самый большой и парадный по отделке крестовидный склеп первой половины XV в. раскопан за мавзолеем «Безымянный 2» [13, с. 21—23]. Наиболее близкий вновь вскрытому, хотя и больше него размером, склеп мавзолея Ширинбек-ака (1386 г.). Размеры центрального квадрата этого склепа 3,65×3,57 м, ширина и глубина ниш 2,52—2,60×0,85 м. Общие размеры по осям 5,35 м. В нем также вальмовый купол, но ниши перекрыты зеркальными арками, как в склепе Гур-Эмира или Биби-ханым.

Планировочно и конструктивно склеп исследуемого двухкамерного мавзолея «нижней группы» взаимосвязан с верхними конструкциями здания. Склеп повторяет периметр гур-ханы в плане (смещение незначительно) и вписан в коробку фундамента по уровню залегания. Таким способом выстроены склепы конца XIV — начала XV в. и более поздние в ансамбле Шахи-Зинда (склеп мавзолея Эмира Бурундука, мавзолея Ширинбек-ака, склеп мавзолея Туман-ака — 1405 г., склеп «Восьмигранника» — 30-е годы XV в.).

Шахи-зиндинские склепы более ранних мавзолеев (XIII — 70-х годов XIV в.) независимы в планировке и конструктивном отношении от верхней наземной части здания (склепы мавзолеев Ходжа Ахмада, безымянного 1361 г., Туглу-Текин — 1376 г., «Безымянного 1» или Усто Алим Несефи и ряда вновь вскрытых в 60-е годы автором по западной и восточной линии коридора в средней части ансамбля) [12, с. 47].

Строились эти ранние склепы в отдельных от мавзолея котлованах и не были взаимосвязаны с верхней, наземной камерой здания. Эта закономерность развития склепа (ранние конструктивно и планировочно автономны, поздние — с 80-х годов XIV в. — взаимосвязаны с общим объемом здания) как подземной конструкции однокамерной усыпальницы

² Одномаршевая лестница появилась здесь в XVIII в. на месте трех примерно террас, следы которых выявлены раскопками. Лестница эта полностью перестроена в наше время.

прослеживается по всему ансамблю Шахи-Зинда и связана с общей эволюцией портално-купольного мавзолея Самарканда.

Склеп исследуемого мавзолея «нижней группы», как предполагалось до его вскрытия, подчинен той же линии развития и относится к поздним склепам ансамбля, датировка которых определяется концом XIV — серединой XV в. Учитывая характер верхних конструкций, высокий барабан обоих помещений и вытянутые вертикальные параметры четвериков, сооружение не могло быть построено ранее мавзолея Туман-ака (1405 г.) в «верхней группе» с близкими исследуемой гробнице пропорциями тннутого купола и высокого круглого барабана.

Общий строй и стиль памятника, его декоративно-облицовочные приемы и материалы — кашинная и кирпичная мозаика во внешней отделке, характерная для Самарканда рубежа XIV—XV вв. и более поздних времен, а также синие по белому ганчу росписи в интерьерах, присущие ряду самаркандских и шахрисябзских памятников второй четверти XV в. [1, с. 185—200; 14, с. 213], позволяют датировать мавзолей временем не ранее начала и не позже середины XV в. О том же говорит и местоположение памятника на южном склоне городища, осваивать который под строительство в ансамбле стали с 20—30-х годов XV в., после того как полностью была застроена и сложилась «средняя» и «верхняя» группы памятников в пределах крепостной стены Афрасиаба, а также «западный коридор» (первое десятилетие XV в.), вытянутый от мавзолеев Ходжа Ахмада и Туман-ака на запад по дорожке к бывшим Кешским воротам Самарканда [15, с. 123—138; 16, с. 101—106].

О строительстве памятника не ранее XV в. говорит и ориентация его главного портала на юг, к дороге, проходившей у подножья Афрасиаба, ставшей особенно актуальной со времени строительства Улугбеком обсерватории (30-е годы XV в.) за пределами города, путь к которой шел именно здесь.

В склепе было совершено одно основное погребение в соответствии с единственным намогильным сооружением в гур-хане, от которого сохранилось только мраморное основание. Грунтовая могила без кирпичной обкладки или какой-либо обмазки располагалась в центре склепа под земляным полом. Размеры могильной ямы 1,80×0,50 м, глубина около 1 м.

Погребение находилось на дне грунтовой ямы, перекрытой поперечными арчевыми балками на высоте 40—50 см от основания ямы, поверх которых были уложены сырцовые кирпичи (25×25×5 см), выше, до уровня полов склепа, шла земляная засыпка. Отдельные арчовые балки, прогнив, упали вниз, другие сместились, как и сырцовые кирпичи. Скелет оказался засыпанным плотной сырой землей, что произошло по мере разрушения дерева и постепенного оседания грунта и просачивания его в нижнюю камеру.

По определению антрополога Т. Ходжайова, костяк принадлежал женщине сравнительно молодого возраста (30—35 лет) европеоидного типа с элементами монголоидности. Длина костяка 1,60—1,62 м. Костяк лежал на спине, головой на север, с поворотом лица на запад. Руки согнуты в локтях, левая лежит на груди, правая от локтя отведена к плечу (рис. 7). На полу склепа в западной нише у южной стены стояло три сосуда: два кувшина с отбитой горловиной и ручкой и глиняный кумган с ручкой, носиком и отбитой горловинкой. Осколков в склепе нет, т. е. посуда внесена сюда в разбитом виде (рис. 8). В южной нише у западной стенки лежал стеклянный сплюснутый шаровидный предмет, очень напоминающий «кудинг» — стеклянное лощило для ткани, употреблявшееся в прошлом в ручном ткацком производстве и известное по Хорезму³. И в данном случае «кудинг» (если предположение верно)

³ Сведения эти получены от Д. А. Фахретдиновой, за что, пользуясь случаем, приношу ей благодарность.

Рис. 7. Погребение в грунтовой могиле склепа

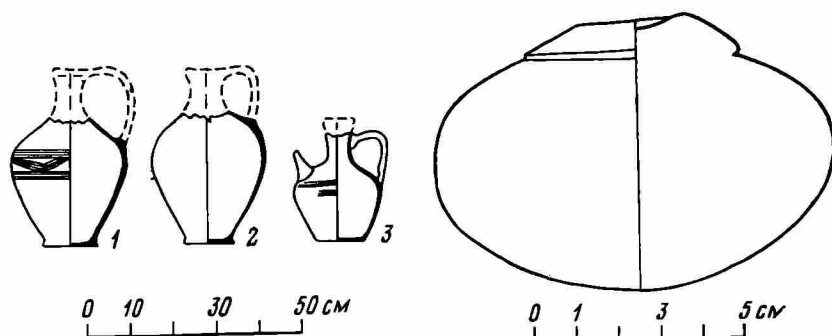

Рис. 8. Керамические сосуды и ложило из черной стеклянной пасты из склепа

имеет сработанную, стертую рабочую поверхность в средней части сплюснутого шара. Ложило сделано из черной стеклянной пасты. Одна уплощенная его поверхность слегка затерта, другая имеет рельеф в виде дисковидного поддона (упор или место крепления?).

В большинстве склепов ансамбля Шахи-Зинда при обследовании их автором статьи обнаружена посуда (кувшины, коса, пиала — как правило, не целые), попавшая туда явно одновременно с захоронениями, о чем говорят непотревоженные входные дромосы и лазы склепов (мавзолеев 1361 г., Эмира Бурундука и др.). Этот пережиток древнейшего доисламского погребального обряда в мусульманской среде вплоть до сего дня в самых разных формах сохраняется на некоторых современных кладбищах Средней Азии [17, с. 43; 18, с. 107—113; 19, с. 123, 124; 20, с. 169, 170].

Орудие труда (ложило) найдено в шахи-зандинском склепе впервые, но, как и сопровождающая погребение посуда, связано с доисламским обычаем класть в могилу различные предметы утвари или труда, в том числе женского (зеркала, косметические наборы, гребни, зернотерки, жернова, пряслица, веретена и т. д.), прослеженного повсеместно в Средней Азии [21]. Находка ложки в точно датированном шахи-зандинском склепе (начало — первая треть XV в.) раздвигает хронологические рамки употребления этого предмета среднеазиатского ткачества, известного до сих пор только по этнографическим материалам.

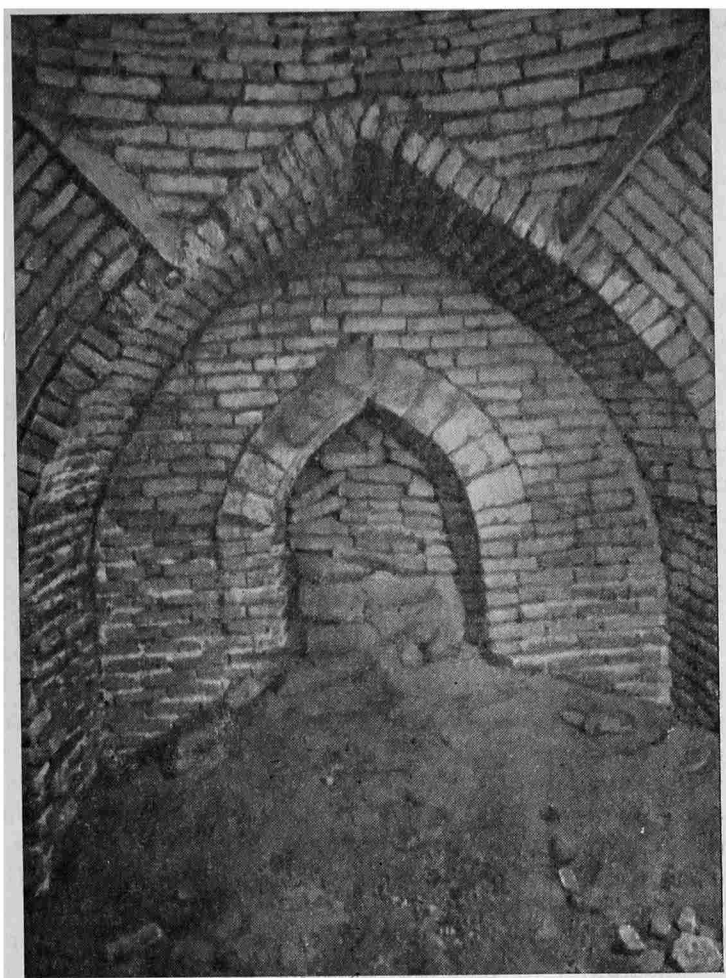

Рис. 9. Входной лаз склепа в восточной нише

У восточного края центральной могилы склепа, близ входного лаза на полу находилось второе погребение. Здесь в кучке, без всякого анатомического порядка, лежали крупные кости (череп, тазовые кости, верхние и нижние конечности в неполном составе) женщины старческого возраста, по определению Т. Ходжайова. Кости явно были перенесены в склеп после того, как мягкие ткани истлели и связки распались. Входной лаз склепа после этого был заложен. Возможно, это случайное для склепа погребение, вернее, перезахоронение, однако обстоятельства и время попадания его сюда неизвестны. Можно сказать только, что произошло это не ранее основного погребения в грунтовой могиле, но и не позже (возможно, одновременно) того периода, когда к гур-хане с востока было пристроено помещение с плоской кровлей и доступ к входу склепа был окончательно закрыт (XVIII—XIX вв.).

Входной лаз в склеп заложен жженым кирпичем без раствора (рис. 9). По своему уровню лаз находится в одном горизонте с нижней площадкой у летней мечети XIX в. в «нижней группе» ансамбля, т. е. более чем на 3 м ниже дневного уровня на участке против гур-ханы, что делает его практически недоступным без специального лестничного спуска (рис. 10).

Позднее помещение (XVIII—XIX вв.), примыкающее с северо-востока к мавзолею, закрыло всю восточную сторону гур-ханы и не позволяет провести визуальное обследование. На этом участке должны быть какие-то синхронные мавзолею пристройки или площадка (например, одна из

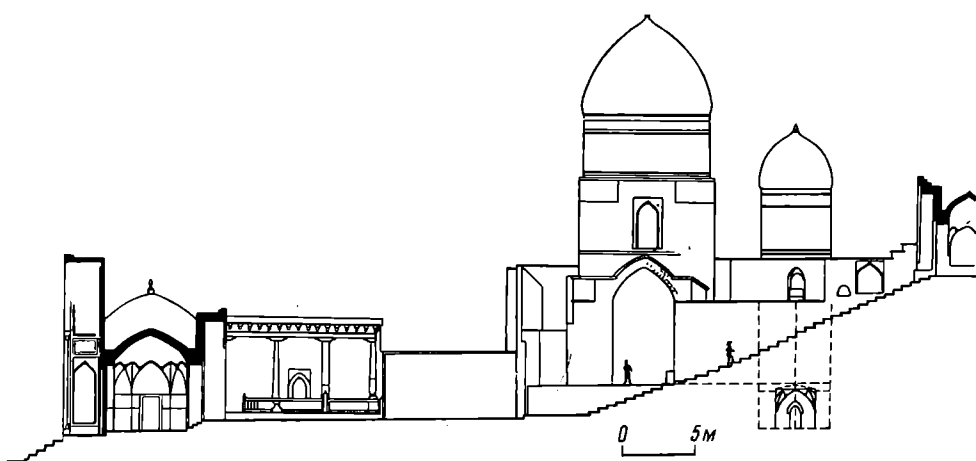

Рис. 10. Нижняя группа памятников ансамбля (разрез север — юг)

террас, которые в XV в. обрамляли южный склон городища по ходу ансамбля), откуда можно было бы попасть к входному дромосу склепа с помощью специального лестничного устройства — коленчатого лестничного коридора, как в ряде самаркандских склепов XV в. (склеп Гур-Эмира, южный склеп в комплексе Гур-Эмир, склеп Ак-Сарая [22, чертёж 5], Ишрат-ханы, мавзолея Биби-ханым).

Надо сказать, что погребение в грунтовой могиле в склепе, а не на полу, как это характерно для большинства склепов XIV в. ансамбля Шахи-Зинда, также свидетельство определенной хронологической стадии развития погребального обряда. Только в склепах XV в. («Восьмигранник», склеп за «Безымянным 2» в ансамбле Шахи-Зинда, Гур-Эмира, Ак-Сарая, Ишрат-ханы в Самарканде) погребения совершены под полом, в грунтовых могилах. Эти склепы фиксируют определенную, наиболее высокую стадию развития нижней погребальной камеры в монументальной гробнице Мавераннахра XIV—XV вв., связанную с общей эволюцией мемориального зодчества этой поры.

Небольшие склепы ранних усыпальниц (мавзолее XIII — 60—70-х годов XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда) с погребениями непосредственно на полу (иногда в деревянном гробу) сменились более развитыми в архитектурно-конструктивном отношении нижними камерами мавзолеев XV в. с более просторными, в ряде случаев декоративно-обработанными интерьерами. Погребения в них совершались уже под полом, в грунтовых могилах. Функции этих склепов расширились, здесь совершается не только погребальный, но и поминальный обряд (склепы Гур-Эмира, Ишрат-ханы, Ак-Сарая в Самарканде). Промежуточную стадию развития, по-видимому, составляют склепы «Восьмигранника» и вышеописанный склеп двухкупольной гробницы «нижней группы» ансамбля Шахи-Зинда, где хоронили уже под полом, в грунте, но для поминального обряда склепы еще не приспособлены. Это темные (без световых люков) изолированные камеры, куда входили только для очередного погребения.

Дромос склепа исследуемого мавзолея расположен так глубоко (3 м) от дневной поверхности и полов мавзолея, что, видимо, именно поэтому использование нижней погребальной камеры было ограничено одним захоронением, в то же время зиарат-хана мавзолея в подпольной части содержит большое количество грунтовых могил (более поздних и, видимо, разновременных)⁴, как показали раскопки 50-х годов.

⁴ Погребения эти лишь фиксировались при закладке шурфов в начале 50-х годов в зиарат-хане, но специально не исследовались.

Вернемся к одному из главных вопросов нашего исследования — вопросу принадлежности мавзолея. Обнаружение женских погребений в склепе гур-ханы автоматически снимает выдвинутое М. Е. Массоном предположение о принадлежности мавзолея астроному Казы-заде Руми. Для кого же была сооружена столь парадная гробница где-то в начале XV — первой трети XV в.? Какой знатной даме — «матери султана», как значится в надписи, посвящен памятник? Кем была молодая женщина 30—35 лет, похороненная в склепе?

П. Ш. Захидов дает на это категорический однозначный ответ, связывая двухкупольную гробницу в «нижней группе» ансамбля Шахи-Зинда с домом (загородный дом с садом, по П. Захидову), построенным Тимуром для матери своей старшей жены Сарай Мульк-ханым (Биби-ханым), где эта мать и была похоронена [10, с. 4]. Сведения об этом доме имеются у Клавихо и уже не однажды использовались в литературе для отождествления и локализации места погребения матери Биби-ханым. Испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо в 1404 г. сам побывал в этом доме и сообщает о нем следующее: «В понедельник 29-го числа сентября месяца царь (Тимур) отправился в город Самарканд и остановился в одном доме, который был у самого входа в город. Этот дом царь устроил в честь матери своей жены Канье; эта мать жены его была похоронена в часовне, которая находилась внутри этого дома; этот дом был очень богат и с большим убранством; они не имеют обыкновения делать много убранства в своих домах, но в этом доме было много; он еще не был окончен и в нем работали каждый день» [23, с. 266].

С этим домом, в частности, отождествляли мавзолей Биби-ханым в районе ворот Аханин (в комплексе с медресе — часовня и дом). Такое отождествление не считает верным И. Е. Плетнев, специально занимавшийся изучением мавзолей Биби-ханым. Он резонно замечает, опираясь на тот же дневник Клавихо (далее по тексту), что в город Тимур отправился из сада Дилькушо, расположенного юго-восточнее Самарканда, и входить он мог только через юго-восточные ворота Фируза, около которых и мог располагаться дом с мавзолеем матери Сарай Мульк-ханым [24, с. 101].

Этот аргумент (Тимур шел в город из сада Дилькушо со стороны юго-восточных ворот Фируза) в одинаковой степени направлен и против предположения П. Захидова. Ансамбль Шахи-Зинда, где, по его мнению, находился «дом с часовней» матери Биби-ханым, как и мавзолей Биби-ханым, расположен в районе северных ворот Аханин, и попасть туда Тимур из сада Дилькушо не мог. Против этого предположения говорит и ряд других фактов. Например, возрастные данные похороненной в склепе женщины (30—35 лет) при всех натяжках не увязываются с допустимым возрастом матери Биби-ханым (исторических данных о ней нет).

Тимур умер в 69 лет (1405 г.), его старшей жене — Сарай Мульк-ханым было тогда 64—65 лет [25, с. 47]. Мать Сарай Мульк-ханым должна была бы быть как минимум на 15 лет старше своей дочери, т. е. к началу — первой трети XV в., когда строили мавзолей, матери Биби-ханым должно было быть по меньшей мере лет 80—100. Выше уже говорилось, что погребение по всем признакам было совершено после того, как склеп был выстроен, следовательно, нельзя допустить, что здание ставили над более ранней могилой. В то же время все здание (склеп, гур-хану над ним и зиарат-хану) строили, судя по фундаментам, одновременно.

Далее, мало правдоподобно вообще, на мой взгляд, строительство дома (жилого, загородного, если это не ханака)⁵ в ансамбле Шахи-

⁵ Допустимо, однако, что зиарат-хана выполняла роль ханаки. Клавихо, как европеец и человек иной веры, мог и не уловить разницы.

Зинда в XV в. причем дома не обычного, а богатого, нарядно убранного, по словам Клавихо.

В домонгольское время (XI—XII вв.) шахристан Самарканда, как известно, располагался на Афрасиабе. На юге города, около почитаемой могилы Кусам ибн Аббаса находился крупный религиозно-культовый центр сложного функционального профиля. Здесь были мавзолеи, мечети, медресе, в том числе, согласно вакуфного акта Тамгач Богра-хана,— караван-сарай, ханака и жилые дома [26, с. 139—142]. Строительство жилого дома в домонгольское время в принципе было бы допустимо. С XIII же века, после монгольского нашествия, городище было заброшено и превращено в пустырь. К XV в. на юге Афрасиаба, около могилы Кусам ибн Аббаса, сложился мемориальный ансамбль — загородный царский некрополь. Совершение «зиарата», зафиксированного еще Малой Кандией,— одна из главных процедур в жизни памятника этого времени. Возведение Тимуром жилого дома («загородного дома с садом») не просто рядом с могилами на старом кладбище на заброшенном городище, но в одном архитектурном ансамбле с мемориальными постройками невероятно!

И все-таки, если текст Клавихо не во всех случаях надо понимать буквально и допустить, что Клавихо с Тимуром в сентябре 1404 г. был именно в ансамбле Шахи-Зинда (Тимур пришел туда для зиарата), но остановились они не просто в доме, и уж тем более не в жилом загородном доме, а в ханаке, которой могла бы быть зиарат-хана «двухкупольной гробницы» (рядом с ней «часовня» гур-хана). И если далее предположить, что останки женщины старческих лет, перепогребенные в склепе, не случайны для мавзолея, а являются останками матери Биби-ханым, до того похороненной в другом месте, то и в этом случае остается много неясного.

Если уж Тимур привез сюда, к одной из самых почитаемых святынь Востока, испанского посла, то, очевидно, для того, чтобы самому совершить зиарат, поклониться всем порогам могил и главной могиле Кусам ибн Аббаса, и невероятным представляется, чтобы Клавихо, описывая «дом», не заметил всего остального ансамбля Шахи-Зинда, во всяком случае ни словом о нем не обмолвился, в то время как это был сложившийся во всем своем блеске архитектурный мемориал.

А может быть, сообщая о «богатом убранстве дома», Клавихо говорит об ансамбле в целом и, сообщая о строительных работах, также говорит не о работах в двухкупольном мавзолее, в частности, а в ансамбле? Ансамбль Шахи-Зинда к началу XV в. представлял собой законченный и в то же время компактно застроенный с двух сторон коридора, изолированный от внешней среды архитектурный комплекс, который Клавихо мог воспринять и как одно целое, как его, кстати, и воспринимали некоторые путешественники-европейцы XIX в., впервые увидевшие восточную архитектуру и не имевшие еще достаточно правильного о ней представления. Н. Ханыков, А. Леманн, побывавшие в Самарканде в составе специальной научной экспедиции в 1841 г., называют ансамбль «дворцом Тимур-лянга» (Ханыков) [27, с. 104] или «красивым дворцом-резиденцией великого завоевателя» (Леманн) [28, S. 154, 155]. Так же неверно «летним жилищем великого Тимура» называет группу усыпальниц Шахи-Зинда венгерский ученый А. Вамбери, проезжавший по Средней Азии в 1863 г. [29, с. 171], а вслед за ним художник В. В. Верещагин («летний дворец Тамерланга») [30, с. 620]. А. Костенко, в 70-х годах XIX в. побывавший в ансамбле, назвал его «монастырем» [31, с. 143] и т. д.

Клавихо, до того как попал в Среднюю Азию, проехал через Турцию и Иран и был в отличие от названных выше путешественников XIX в. достаточно подготовлен для восприятия восточного зодчества. Предположение, что ансамбль в целом он мог принять за «дом», мало вероятно,

однако прецедент XIX в., спорность рассматриваемого вопроса и необходимость максимальной объективности в оценке исторических известий заставляют предусмотреть и этот вариант. Остановливаясь на всех этих доводах «за» и «против», возможных допусках в предположениях в отождествлении мавзолея, я хочу сказать, что отнюдь не все так просто в этом вопросе и после проведенных вскрытий и исследований склепа двухкупольного мавзолея «нижней группы».

К сожалению, и сейчас нельзя точно сказать, кто похоронен в склепе мавзолея, кому из дома тимуридов он строился, ясно только, что бытовавшее еще в XIX в. предание о погребении здесь кормилицы Тимура Олджа Инага и ее дочери Биби-Синеб более соответствует действительности (два женских имени и два женских погребения в склепе), чем предположение о принадлежности мавзолея Казы-заде Руми, которое просто оказалось неверным. Если же предложенное П. Ш. Захидовым чтение полуутраченной надписи будет признано ориенталистами, здание, ставшее безымянным, можно будет именовать усыпальницей «матери султана». Но это дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина И. Ф. Интерьер зданий Самарканда времени Улутбека.— СА, 1962, № 2.
2. Абу-Тазир Ходжа. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (Пер. В. Л. Вяткина).— Справочная книжка Самаркандской области на 1898 г., вып. VI. Самарканд, 1899.
3. Лалин С. А. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда.— Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV. Самарканд, 1896.
4. Туркестанский альбом. Часть I, археологическая, 1870—1871 гг. (составлен А. И. Куном).
5. Массон М. Е. Обсерватория Улутбека. Ташкент, 1941.
6. Джатамгиров В. А., Засыпкин Б. Н. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми.— В кн.: Архитектура республик Средней Азии. М.: Госиздат архитектуры и градостроительства, 1951.
7. Виноградов А. Н. Мавзолей «Восьмигранник» в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде.— В кн.: Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. М.: Изд-во. Акад. художеств СССР, 1950.
8. Засыпкин Б. Н. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, 1948. Архив Главного управления охраны памятников материальной культуры и искусства Министерства культуры УзССР, № 561.
9. Шишкин В. А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда.— Зодчество Узбекистана. Ташкент, 1970, вып. II.
10. Захидов П. Ш. Шахи-Зинда: невероятное и очевидное.— Газета «Правда Востока» от 7 апреля 1978 г.
11. Шахруин К. А. Еще раз о погребении Тимура.— В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963.
12. Немцева Н. Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда.— ОНУ, 1968, № 8—9.
13. Немцева Н. Б. Новый памятник XV в. из ансамбля Шахи-Зинда (к типологии мемориальной архитектуры Мавераннахра).— Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, № 3.
14. Бородина И. Ф. Интерьер мавзолея Ак-Сарай в Самарканде.— АН, 1964, № 17.
15. Немцева Н. Б. Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1964, вып. 5.
16. Немцева Н. Б. Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда.— СА, 1975, № 3.
17. Литвинский Б. А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии.— Изв. ООН АН ТаджССР. Душанбе, 1968, № 3(53).
18. Литвинский Б. А. Курганы и курумы западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
19. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
20. Немцева Н. Б. Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинда. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Ереван, 1978.
21. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
22. Массон М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях «Гур-Эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 году.— Изв. «Средазкомстариса». Ташкент, 1926, вып. 1.

23. *Рюи Гонзалес де Клавихо*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. СПб., 1881.
24. *Плетнев И. Е.* К вопросу о реконструкции мавзолея Биби-ханым в Самарканде.— Сб. научн. тр. Н.-и. ин-та по строительству в г. Ташкенте. Ташкент, 1962, вып. III.
25. *Бартольд В. В.* Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.
26. *Немцева Н. Б.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) — Афрасиаб. Ташкент, 1974, вып. III.
27. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
28. *Lehmann A.* Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St.-Petersburg, 1851.
29. *Вамбери М.* Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркестанскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамбери. М., 1867.
30. Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина.— Русская старина. СПб., 1888.
31. *Костенко Л.* Поездка в Самарканд.— Туркестанский сборник, 1870, т. 24.

N. B. Nemtseva

NEW VIEW ON THE KAZY-ZADEH RUMI TOMB IN SAMARKAND

Summary

The prevailing view, since the 1940s, of the two-chamber tomb of the «lower group» has been that it belonged to Kazy-Zadeh Rumi, an astronomer and scientist, and contemporary of Ulugbek. Built in the 1430s, it is one of the most interesting, both in lay-out and ornamentation, monuments in the Shakhi-Zinda ensemble in Samarkand. P. Sh. Zakhidov's interpretation of the damaged inscription in the portal niche along with the 1977 archaeological and anthropological research in the gur-khana testified to the fact that it was a tomb of a young woman from the Timurides family. Zakhidov's opinion that it was a house with a chapel where the mother of Timur's senior wife was buried is open to question. Architectural and constructional research have shown that both chambers (gur-khana and ziarat-khana) were built simultaneously in the beginning-first third of the 15th century. Who was buried there has not yet been established, but if Zakhidov's interpretation is supported by Orientalists the monument will receive a new name — «The Tomb of the Sultan's Mother».